

А. В. Малов

Первые сведения о драгунах в России и появление драгун в русской армии XVII в.

Историки, в первую очередь российские, часто причисляют драгун к коннице, перенося реалии петровских войск на армию предшествующей эпохи. Вообще рождение драгун как рода войск окутано мифами и легендами, но начать хотелось бы именно со специфически российской мифологемы. Причисление драгун XVII в. к кавалерии в отечественной историографии связано с традиционной для нее петровской мифологией¹. Начало этому положил один из первых историков русской армии XVII в. И. Д. Беляев, чему не помешали даже его славянофильские взгляды². Степень проникновения петровской мифологии в отечественную историографическую традицию ярко проявилась уже в наименовании нескольких исторических периодов русской истории. Эпоха Московского государства трактовалась как «допетровская Русь», чего не избежали даже лучшие исследователи³. На драгун XVII в. до работ Е. Д. Сташевского смотрели через призму петровского времени, и даже фундаментальная работа этого историка не смогла переломить инерцию научной традиции. Мифологема находила и объективные косвенные подтверждения: наличие у драгун лошадей и конского хозяйства привело в начале XVII в. автора наиболее популярных в Европе

---

¹ *Кристенсен С. О.* История России XVII в. : обзор исследований и источников. М., 1989. С. 24–27.

² *Беляев И. Д.* О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С. 33–35.

³ *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. 2-е изд. М., 2000. Т. 3. С. 9–261.

воинских «уставов»⁴ Иоганна Якоби фон Вальдгаузена к мысли рассматривать их в качестве рода войск не в пехотном «уставе», а в «уставе» конной службы⁵. По крайней мере до 1690-х годов, нам не известно ни одного случая использования в России драгунского подразделения в качестве кавалерии.

В составе русской армии служилые люди «драгунского строя» впервые появились в ходе Смоленской войны 1632–1634 гг. Первыми русскими драгунами стали служилые люди драгунской роты первого русского рейтарского полка французского гугенота Шарля Самуила Делиберта (д'Эберта). Полк начал формироваться с 13 июня 1632 г. Тогда же Делиберта из солдатских подполковников произвели в полковники⁶. В первоначальном проекте рейтарского полка драгунской роты не предполагалось, но на завершающей стадии формирования (не ранее июня 1633 г.), вероятно, по представлению Делиберта, полковой штаб увеличили с 2000 до 2400 чел. (в том числе за счет драгунской роты).

В документах обнаруживаются имена нескольких капитанов, прямо или предположительно связанных с рейтарским полком. 30 августа 1632 г. отдельную солдатскую роту Иноземского приказа капитана Роберта Рингота (Рингода) (бывшая рота Делиберта) перевели в драгунский строй и присоединили к рейтарскому полку⁷.

---

⁴ Мы берем здесь традиционное определение сочинений И. Я. фон Вальдгаузена в кавычки, поскольку они, являясь по сути трактатами, в силу традиции (начиная с русского перевода XVII в.) именуются «уставами».

⁵ *Wallhausen J. J. von. Kriegskunst zu Pferd. Darinnen gelehret werden die initia und fundamenta der Cavallery aller vier Theilen: Als Lantzierers Kührissierers Carbiners und Dragoens was von einem jeden Theil erfordert wirdt was sie praestiren können sampt deren exercitien ... Franckfurt am Mayn, 1616.*

⁶ *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–34. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 120 ; *Чернов А. В.* Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I) : диссертация ... доктора исторических наук. М., 1949. С. 294 ; *Малов А. В.* : 1) Драгуны // Государственность России : словарь-справочник. М., 2005. Кн. 5 : Должности, чины, звания, титулы и церковные сансы России, конец XV в. — февраль 1917 г., ч. I. С. 306–310 ; 2) Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118–131 ; *Бабулин И. Б.* Полки нового строя в Смоленской войне 1632–1634 // Рейтар. 2005. № 10 (22). С. 12–26.

⁷ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 6 (Книги Московского стола). Кн. 45. Л. 77 об.

По первому штату⁸ (на август-сентябрь 1632 г.) «приказных людей» с капитаном в ней состояли поручик, прапорщик, два сержанта, над ружьем дозорщик, подпрапорщик, ротный заимщик, писарь, лекарь, пять капралов, 16 ротмейстеров, 19 подротмейстеров и 60 рядовых солдат — всего 126 чел. Уже к марту 1633 г. численность роты выросла до 144 человек. В июне того же года число ротмейстеров увеличилось до 28, подротмейстеров — до 21 и рядовых — до 84 чел.⁹ Под Смоленск в армию М. Б. Шеина полк выступил уже с этой ротой.

В 1632/33 г. к рейтарскому полку прикомандировали без места наемного капитана Джана (Джона/Жана?) Томсона (Томсена, Томосова, Таносова, Тоносова, Томпсона?) с окладом в 25 руб. В ноябре 1632 г. его оклад составлял 35 руб., а в декабре 1632 г. — марте 1633 г. 25 руб. С июня 1633 г. Томсона перевели в драгунский полк А. Гордона¹⁰.

17 ноября 1632 г. Казенный приказ выдал сшитое знамя выезжему капитану драгунской роты «Шарлова полка» (рейтарского полка Шарля Делиберта) Максимилиану Зальцбруну¹¹.

Завербованный А. Лесли в 1632 г. лифляндец Петр Ланг в июне того же года числился безместным прапорщиком. 22 июня по представлению полковника Я. Вильсона его записали к нему в полк, а в конце июня — начале июля по рекомендации Делиберта перевели в рейтарский полк¹². В 1633–1634 гг. Ланг служил наемным капитаном (драгунской роты полка Делиберта?), а после роспуска полка его отпустили на родину. В 1635 г. он выехал «на государево имя» и 16 сентября был прислан из Разряда в Иноземский приказ¹³.

⁸ Малов А. В. Командный состав частей солдатского, рейтарского, драгунского и гусарского строя от появления их в России до роспуска после окончания Смоленской войны: иерархия и номенклатура чинов. 1628–1636 гг. // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М., 2018. С. 221–238.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Ч. 1. Л. 583–583 об., 586 об.–587, 588. — Согласно Е. Д. Сташевскому, штат драгунской роты рейтарского полка включал капитана (оклад 40 руб.), поручика (35 руб.), прапорщика (25 руб.), двух сержантов (по 10 руб.), двух подпрапорщиков (по 7 руб.), капрала (6 руб.), ротмейстеров (ефрейторов) (по 4 руб.), подротмейстеров (по 3,5 руб.) и рядовых (по 3 руб.).

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Ч. 1. Л. 575, 576, 578 об.

¹¹ Там же. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 2. Кн. 288. Л. 100 об.–101.

¹² Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 295 об.

¹³ Там же. Кн. 49. Л. 1214 об.

В 1635/36 г. капитана Ланга написали в Иноземском приказе с месячным кормом в 11 руб.¹⁴

В 1634 г. в документах упомянут капитан (драгунской роты полка Делиберта?) Юрий Шон (Шонов), служивший под Смоленском в армии М. Б. Шеина до ее отступления. 29 ноября 1634 г. Шон получил в Иноземском приказе жалованье за июль-октябрь, там же ему платили жалованье в ноябре 1634 г. — августе 1635 г.¹⁵ В 1635/36 г. он написан в Иноземском приказе капитаном с окладом 300 чети, 13 руб., корм получал в том же приказе¹⁶.

В числе драгун рейтарского полка встречаются два поручика, возможно, сменившие друг друга на этой должности. В 1632 г. прапорщик солдатской роты (с 5 августа 1632 г. — отдельной солдатской роты Иноземского приказа) Давыд Денмай (Делмай?) после назначения Делиберта командиром рейтарского полка по его представлению был произведен в поручики той же роты, а с 30 августа стал поручиком драгунского строя рейтарского полка Делиберта с окладом в 35 руб.¹⁷

Второй поручик драгунской роты полка Делиберта наемный иноземец Юрий Матейсон после роспуска полка (сентябрь 1634 г.?) остался «на государево имя» и с октября 1634 г. по август 1635 г. получал жалованье в Иноземском приказе по списку служивых иноземцев (8 руб. с гривной). В 1635 г. Иноземский приказ выдал ему жалованье вперед на сентябрь 1635 г. «для тульской службы»¹⁸.

Еще один поручик — Роберт Матейсон (Матусов, Матисон) — был завербован А. Лесли. Сначала он был сержантом солдатской роты подполковника Делиберта, а с 5 августа 1632 г. стал сержантом отдельной солдатской роты Иноземского приказа. По представлению Делиберта его произвели в прапорщики той же роты, которая с 30 августа вошла в состав рейтарского полка Делиберта, а следом и в поручики. Оклад Матейсону написан в 35 руб.¹⁹ В 1633–1634 гг. он упоминается как поручик драгунской роты рейтарского полка Делиберта. После роспуска полка Р. Матейсон остался в России.

---

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49. Л. 1168.

¹⁵ Там же. Кн. 48. Л. 983.

¹⁶ Там же. Кн. 49. Л. 943.

¹⁷ Там же. Кн. 45. Л. 75, 76 об.

¹⁸ Там же. Кн. 48. Л. 910.

¹⁹ Там же. Кн. 45. Л. 75, 76 об.

В окладной книге Иноземского приказа 1635/36 г. он написан поручиком с кормовым жалованьем 8 руб. с гривной в месяц²⁰. Вопрос о возможном отождествлении поручиков Юрия и Роберта Матейсонов нельзя исключить, но он требует дополнительного исследования.

Прапорщиков, связанных с драгунской ротой рейтарского полка, известно двое (не считая произведенных в поручики). Наемный прапорщик Ян (он же Яган?) Крели (Кряли) был завербован Лесли, предположительно, в 1630 г. В окладной книге 1634/35 г. записано, что после роспуска полка он остался «на государево имя» и получал жалованье в Иноземском приказе по списку служилых иноземцев с октября 1634 г. по август 1635 г. (оклад 5 руб. 4 гривны)²¹. В окладной книге Иноземского приказа 1635/36 г. Крели написан прапорщиком с прежним кормом²².

Наемного иноземца прапорщика Томаса Смарса (Смарта) в сентябре 1632 г. прикомандировали к рейтарскому полку Делиберта без места с окладом 10 руб. В ноябре того же года оклад повысили до 13 руб., но с декабря 1632 г. по март 1633 г. он снова составлял 10 руб.²³ По указу от 24 мая 1633 г. (по представлению полковника А. Гордона от 23 мая) Смарса пожаловали в прапорщики его драгунского полка с окладом 23 руб.²⁴

Сержант драгунской роты рейтарского полка Делиберта Индрик Лоренц, из наемных «немец», 25 февраля 1632 г. был отослан по запросу Пушкарского приказа для отправки под Смоленск²⁵.

Капитан-над-ружьем (каптенармус) солдатской роты Делиберта Индрик Ездам (Едам) по представлению командира был произведен в сержанты той же роты²⁶. В 1633 г. он был сержантом драгунской роты рейтарского полка Делиберта. К июню того же года его отослали по запросу Пушкарского приказа для отправки артиллерии и боеприпасов под Смоленск²⁷.

---

²⁰ Там же. Кн. 49. Л. 1172.

²¹ Там же. Кн. 48. Л. 916.

²² Там же. Кн. 49. Л. 1174.

²³ Там же. Кн. 46. Ч. 1. Л. 575 об., 576.

²⁴ Там же. Ч. 2. Л. 1248, 1250.

²⁵ Там же. Ч. 1. Л. 585 об.

²⁶ Там же. Кн. 45. Л. 75, 76 об.

²⁷ Там же. Кн. 46. Ч. 1. Л. 587 об.

Ян Грин (Грил) являлся фурьером («фурилом», ротным квартирмейстером) солдатской роты Делиберта. С 5 августа 1632 г. числился квартирмейстером отдельной солдатской роты Иноземского приказа. По представлению Делиберта его произвели в сержанты той же роты, а с 30 августа — драгунского строя рейтарского полка Делиберта²⁸.

Томас Лекнерклярк (Леккерклярк?) — капрал солдатской роты Делиберта, с 5 августа — отдельной солдатской роты Иноземского приказа. По представлению Делиберта его произвели в над-ружьездозорщики (капитан-над-ружьем, каптенармус) той же роты (с 30 августа в рейтарском полку)²⁹.

Адам Стана — капрал солдатской роты Делиберта, с 5 августа 1632 г. — капрал отдельной солдатской роты Иноземского приказа. По представлению Делиберта он произведен в ротные займщики (ротный квартирмейстер) той же роты (затем в полку Делиберта)³⁰.

Ротмейстер драгунской роты Делиберта Джан Жил, из наемных «немец», в январе 1632 г. по представлению Делиберта был произведен в капралы («карпоралы») своей роты³¹.

Ротмейстеров драгунской роты Делиберта Болдвина Лафуса и Антона Лесена (оба из наемных «немец») 25 февраля 1632 г. отослали по запросу Пушкарского приказа для отправки под Смоленск³².

Даже рядовой состав драгунской роты укомплектовали наемными иноземцами. «Профосов поручик» в солдатском полку А. Лесли Николай Бук по указу от 22 февраля 1633 г. по представлению Делиберта был переведен в рейтарский полк в драгунскую роту рядовым драгуном³³. Рядового драгуна в драгунской роте полка Делиберта Якова Томасова (Томосова) к 21 марта 1633 г. убил рейтар Василий Рагозин³⁴.

Следом за рейтарским полком в Москве начали формировать драгунский полк произведенного в полковники шотландца

---

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 75, 76 об.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Кн. 46. Ч. 1. Л. 586.

³² Там же. 585 об.

³³ Там же. Л. 586–586 об.

³⁴ Там же. Л. 587.

Александра Гордона³⁵, а также гусарско-рейтарско-драгунский squadron ротмистра Христофора Рыльского³⁶. Они вошли в формирующуюся в Можайске армию бояр и князей Д. М. Черкасского и Д. М. Пожарского. Но драгуны этих подразделений в боях под Смоленском принять участия не успели, отметившись в отражении набега крымских татар к югу от Оки, в схватках с «загонами» польско-запорожской конницы под Можайском, а также в преследовании балашовцев³⁷.

Гордон был нанят на русскую службу полковником А. Лесли. 14 января 1632 г. он на смотре в Торжке командовал смешанной ротой из наемных иноземцев и обучаемых ими русских солдат. 14 марта 1632 г. на смотре в Москве его записали полковым квартирмейстером и командиром 2-й роты полка А. Лесли³⁸. Но уже в мае того же года Гордон был полковым квартирмейстером и капитаном (ротмистром) рейтарского полка. Указом от 11 мая его произвели в подполковники с переводом в солдатский полк Я. Вильсона. В июне в окладной книге Иноземского приказа Гордон значится безместным. С июля он состоял в рейтарском полку Делиберта, в июле-августе 1632 г. — командир роты этого полка³⁹. В окладной книге 1632/33 г. Гордон записан подполковником солдатского полка Юрия Матейсона (Дж. Мэтесона).

³⁵ Е. Д. Сташевский и доверившийся ему А. В. Чернов не разобрались в документах и приняли полк Гордона и squadron Рыльского за одно подразделение. Так, Чернов указывает «драгунский (он же гусарский) полк Гордона» (см.: *Сташевский Е. Д.* Смоленская война ... С. 135–138; *Чернов А. В.* Строительство ... С. 298). Подробнее см.: *Малов А. В.* Командиры частей нового строя в 1628–1636 гг. (от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания) // АЕ за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 126–143.

³⁶ *Малов А. В.* Squadron ротмистра Христофора Рыльского в 1634 г., или Появление гусарского «строя» в России // Тульский кремль и южные рубежи России : материалы Всероссийской научной конференции. М., 2020. С. 109–135.

³⁷ *Селезнев Ю. В., Курбатов О. А.* Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1700 гг. М., 2019. С. 749–750, 755–756. (Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1914 гг. : справочник ; т. 1).

³⁸ *Fedosov D., Nozdin O.* Lion Rampant to Two-Headed Eagle. Scots in Russia 1500–1725. Aberdeen, 2023. (В печати). — Пользуясь случаем, выражаю благодарность Дмитрию Геннадьевичу Федосову и Олегу Яковлевичу Ноздрину за консультацию об офицерах шотландского происхождения и возможность воспользоваться подготовленной к печати рукописью их справочника.

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 250, 282–282 об., 288.

С 15 сентября 1632 г. по май 1633 г. он получал жалованье в Москве в Иноземском приказе. 8 января 1634 г. за прежние службы ему выдали выслуженное жалованье в размере 556 руб. 2 алтына 4,5 деньги⁴⁰.

Весной (в апреле-мае?) 1633 г. по заказу правительства Гордон разрабатывал проект драгунского полка. 23 мая он подал проект с предварительным списком начальных людей, утвержденный царем 24 мая). На следующий день, 25 мая, был составлен первый официальный список его драгунского полка, а сам Гордон записан его полковником⁴¹. В книге Иноземского приказа с мая 1633 г. по апрель 1634 г. он записан полковником драгунского полка⁴².

Штат полка включал 12 рот по 120 рядовых при общей численности 1600 чел. (1440 рядовых) и по смете должен был обходиться казне в 3002 руб. ежемесячно. Оклад первых русских рядовых драгунов составил 2 руб. в месяц (наемные драгуны рейтарского полка получали по 3 руб.). На эту сумму они должны были обзавестись лошадьми (по 2 руб. на лошадей получили и рейтары полка Делиберта). Полагались также подъемные деньги (по 4 руб.) на одежду, конское снаряжение и месячный корм. Казна обеспечивала нижние чины полка мушкетами, шпагами, порохом, свинцом и фитилем. Когда комплектование полка затормозилось (в январе 1634 г. его численность достигла 1576 чел.), 1 октября 1633 г. было указано лошадей выдать из Конюшенного приказа, «чтобы всякие люди в драгунской полк писались охотнее».

Полк Гордона оснастили еще и полковой артиллерией в количестве 12 «малых» пушек с прикомандированными к ним московскими пушкарями. А. В. Чернов пишет о вооружении нижних чинов драгун пищалями и/или мушкетами и пиками, а начальных людей — пистолетами, но при этом не дает никаких ссылок на источники, что позволяет предполагать умозрительность этого тезиса⁴³. Документы столбца Белгородского стола Разрядного приказа (№ 48), на который Чернов ссылается вслед за Сташевским, показывают, что драгуны были вооружены мушкетами, а пики (которые писцы чаще именуют «списами») были выданы на весь полк, но не по числу рядовых (как мушкеты), а круглым числом — 1500 пик. Таким же

---

⁴⁰ Fedosov D., Nozdrin O. Lion Rampant ...

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Ч. 2. Л. 633, 1247–1251 об.

⁴² Там же. Кн. 47. Ч. 1. Л. 1–6–35 об.

⁴³ Чернов А. В. Строительство ... С. 296, 298.

образом позднее в солдатские полки выдавались пикинерские пики («копья долгие списы») и рогаточные пики («полусписы») или наконечники к ним («полупичные железца», «полупичные копейца»). В 1630-е годы такой специализации пехотных пик, видимо, еще не произошло. Под «списы» выдали девять подвод и отправили их вслед за полком вместе с боеприпасами и шанцевым инструментом уже после выступления (с мушкетами) в Можайск. Именно эти «списы» и ввели в заблуждение Сташевского и Чернова, посчитавших их гусарскими. Древковое колющее оружие, используемое российской конницей в XVII в., называлось «копьями», «копейцами», а в поместной коннице еще и «рогатинами» (вероятно, в том же значении, что и в польском языке той эпохи), но не «списами».

Знамена в драгунский полк Гордона сделали по образцу европейских драгунских знамен: шелковые тафтяные «с хвостами» — для 1-й полковничьей роты белое, остальные — красные «кармазинные»⁴⁴. 29 ноября 1633 г. из Казенного приказа в Иноземский отослали белое полковничье и два ротных знамени на общую сумму 6 руб. 1 алтын 3 деньги («А дати те знамена в драгунской полк полковнику Александру Гордону к прежним знаменам в прибавку»)⁴⁵. 7 января 1634 г. Казенный приказ выдал в Иноземский «в драгунской в Александров полк Гордона к трубам на завесы» 12 аршин красной тафты виницейки кармазина⁴⁶. К 10 февраля из тафты сшили ротное драгунское знамя для драгунской роты сквдрона ротмистра Х. Рыльского⁴⁷. 20 февраля 1634 г. мастера Казенного приказа сшили для полка Гордона, который уже был в Можайске, еще четыре знамени из тафты виницейки — белые с красными крестами («А из Иноземского приказа послать те знамена на государеву службу к драгунскому полковнику Александру Гордону в четыре роты солдатом»)⁴⁸.

Последнее указание очень важно, свидетельствуя, что формирование полка продолжалось и в Можайске, и прежнее число драгунских рот было дополнено еще четырьмя солдатскими. В то же время эта запись в документе могла бы подразумевать и драгун как

⁴⁴ Малов А. В. Знамена полков нового строя // Цейхгауз. 2001. № 3 (15). С. 6–10.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 289. Л. 190 об.–191.

⁴⁶ Там же. Л. 287 об.–288.

⁴⁷ Там же. Л. 389 об.–390.

⁴⁸ Там же. Л. 416 об.–417 об.

конных солдат, что встречается и позднее в отношении других русских драгун⁴⁹. Однако здесь нет указания на «хвосты» знамен, зато указаны «крыжи», на которые пошло 6,5 аршин красной тафты против 26 аршин белой тафты на полотнища. Это не соответствует ни другим описаниям драгунских знамен, ни их «образцам»⁵⁰. Все это дает основание предположить, что в составе драгунского полка был сформирован именно солдатский сквадрон из четырех рот. Изначально, возможно, задумывалось усилить полк дополнительными ротами, но из-за спешки и недостатка материально-финансовых ресурсов и лошадей «для скорой службы» эти роты решили оставить солдатскими.

После окончания Смоленской войны, роспуска полков и отпуска наемников в декабре 1637 г. Разрядный приказ «по крымским вестям» разослал царский указ о мобилизации к весне 1638 г. всех бывших под Смоленском и в Можайске рейтар, солдат и драгун: «быть к весне в той службе по-прежнему»⁵¹.

Драгуны, называвшиеся еще и «конными салдатами», верхом лишь передвигались, совершая стремительные марш-броски для занятия стратегически или тактически важных мест и позиций, отчасти выполняя функции инженерных войск⁵². В российских реалиях XVII в. после первого боевого опыта в ходе Смоленской войны и отражения татарских вторжений драгун массово использовали для

---

⁴⁹ Малов А. В. Первая служба Государева выборного полка Агтея Шепелева: Литовский поход 1658–1660 г. // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 160–173. (Гуманитарные науки ; вып. 8).

⁵⁰ Malov A. Making, usage and keeping of standards, guidons and colours in Russia 1613–1689 according to data from the account-books of the «Kazennyi prikaz» // In hoc signo vincas : the vexillological seminar, Stockholm 2011 & 2013. Stockholm, 2016. P. 23–31, 115–116.

⁵¹ Чернов А. В. Строительство ... С. 326 ; Малов А. В. Сквадрон ротмистра Христофора Рьльского ...

⁵² Курбатов О. А.: 1) Полк Антония Грановского в походе 1654 г. : о положении иноземных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII веках : сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 316–335 ; 2) Организация осадного парка и инженерно-артиллерийского дела русской армии в 1630–1650-х гг. // История военного дела: исследования и источники. 2017. Вып. 6, спец. : Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. 3. С. 237–340. URL: http://www.milhist.info/2017/03/16/kyrbatov_6/ (дата обращения: 15.03.2022).

пограничной и сторожевой службы⁵³, включая охрану и оборону Белгородской черты⁵⁴, а с началом 13-летней русско-польской войны 1654–1667 гг. — для полковой и гарнизонной службы⁵⁵. Они могли, как и их французские «предшественники», участвовать в карательных операциях и набегах в борьбе с повстанцами или в перипетиях так называемой «малой войны» — как на южных степных границах, так и на западном театре военных действий⁵⁶. С этого момента начинается совсем другая история, а имя драгун, как и их «строй», стало обычным для вооруженных сил России XVII в.

Е. Д. Шашевскому и А. В. Чернову, подробно расписавшим формирование первых рейтарского и драгунского полков, имевшиеся в их распоряжении источники не позволили ответить на вопросы о том, кому принадлежала инициатива формирования первого драгунского полка, что в России знали о драгунах и знали ли о них вообще, или же российское правительство чисто слепо одобряло и финансировало любой проект, предложенный инициативными «немчинами». В условиях гибели большей части архивов Иноземского и Рейтарского приказов⁵⁷ приоткрыть завесу над этими загадками может, во-первых, просопографическое исследование первых драгун на русской службе, а во-вторых, поиск первых упоминаний в России о драгунах.

---

⁵³ *Шеламанова Н. Б.* Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII в. // Вопросы истории и хозяйства населения России XVII в. : очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 191–214.

⁵⁴ *Курбатов О. А.*: 1) Драгунский строй на Белгородской черте в 1630-х — начале 1650-х годов // От Донца до Ворсклы: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2016. С. 25–36; 2) Вооружение и снаряжение драгун и прочих ратных людей в первые годы существования Белгородской черты // Белгородская черта : сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2018. Вып. 3. С. 56–65.

⁵⁵ *Новосельский А. А.* Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине 17 века // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России : сборник статей к 75-летию академика Н. М. Дружинина. М., 1961. С. 65–80; *Курбатов О. А.* Полки драгунского и солдатского строя, существовавшие к началу русско-польской войны 1654–1667 гг. // Единорогъ : материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 503–510.

⁵⁶ *Малов А. В.* Первая служба Государева выборного полка ...

⁵⁷ *Лантева Т. А.* Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. 1994. Вып. 5. С. 109–127.

Собранные мною сведения о первых драгунских частях в составе русских вооруженных сил не позволили снять вопросов о времени и путях получения информации о драгунах в России. В 1633 г., когда началось формирование первой драгунской роты, и в последующие годы наименование их в русском языке (приказном делопроизводстве) было устойчиво и почти безальтернативно, что удивительно для нового слова и явления на фоне существенной вариативности большинства новых слов и понятий, которые привнесли с собой в 1630-е годы в русский язык войска новой модели. Это наводит на мысль о знакомстве к 1630-м годам, по крайней мере части русских людей, с драгунами как видом ратных людей. Такое знакомство, скорее всего, могло произойти на поле боя. Поставленная проблема имеет две составляющие: во-первых, появление самого явления и его институализация (имеющие, на мой взгляд, большее значение), и, во-вторых, возникновение названия и его кодификация.

Рождение драгун как рода войск окутано мифами и легендами, но этимология слова «драгун» оказывается еще более фантомной. Происхождение драгун уходит в XVI в., но это столетие не знает такого рода войск, а в XVII в. он распространился во всех европейских армиях, параллельно изменив свой изначальный смысл и облик. В классическом справочнике по старым полкам европейских армий Георга Тессина ни один из внесенных в него драгунских полков не уходит в XVI в., зато за следующее столетие (с 1621 по 1680 г.) внесено 93 драгунских полка в составе шведской армии (безусловный рекордсмен из всех армий Европы)⁵⁸. И если вся описывающая драгун старая классическая литература по военной истории (как отечественная, так и зарубежная) повторяет пару легенд с незначительной вариативностью, то даже фундаментальное исследование американского германиста Вилльяма Каррелмейера по этимологии «драгун» не смогло разрешить названную проблему и закрыть данный вопрос⁵⁹. Но именно Каррелмейер сделал очень важный шаг в этом направлении не только собранным им богатейшим этимологическим материалом, но и важнейшим отделением

---

⁵⁸ *Tessin G.* Die Regimenter der europäischen Staaten im Ancien régime des XVI. bis XVIII. Jahrhunderts. Osnabrück, 1986. T. 1. S. 642–678.

⁵⁹ *Kurrelmeyer W.* The etymology of dragoon // PMLA : Publications of the Modern language association of America. 1942. Vol. 57, iss. 2. P. 421–434.

исследования явления конной пехоты или спешивающихся всадников от изучения термина «драгун». Появление и кодификация последнего является отражением институализации этой военной практики и соответствующей терминологической кодификации.

Работа Каррелмейера особенно ценна для изучения найденного мною первого упоминания драгун в русской приказной документации. Как прекрасно показал этот автор, употребление термина «драгуны» как определения рода войск в виде ездящей мобильной пехоты не уходит глубже 1590-х годов⁶⁰. И даже в первое десятилетие XVII столетия драгуны еще не стали привычным родом войск, что видно и из вариативности написания этого термина. Каррелмейер связал кодификацию классического написания «драгун» с изданием (особенно после его перевода на английский и французский языки) трактата о военном искусстве конницы одного из самых популярных военных теоретиков начала XVII в. Иоганна Якоби фон Валльгаузена⁶¹. При этом Каррелмейер проследил, как во втором посмертном издании указанного трактата 1634 г. написание драгун по сравнению с еще вариативным употреблением термина, использованным в первом издании 1616 г., было отредактировано в пользу привычного кодифицированного⁶². С наблюдением Каррелмейера перекликается и заметка Михала Парадовского о появлении первых драгун в имперской армии в 1602 г. (в ходе Долгой турецкой войны 1593–1606 гг.), когда эрцгерцог (будущий император) Матвей Габсбург выдал вербовочный лист на четыре роты драгун, укомплектованных валлонами во главе с французскими офицерами.

Классик польской военной истории Константин Гурский отмечал появление драгун в польской армии только в 1627 г. (в войне со Швецией 1626–1629 гг.), когда упоминаются четыре шквадрона

---

⁶⁰ В 1594 г. в «Сатире» Мениппея и в описании 1634 г. военных действий в Нидерландах в 1595 г. (Там же. Р. 423, 426). О первых драгунах в имперской армии с конца декабря 1602 г. см.: *Paradowski M.* 400 dragonów, dobrych Walonów // *Kadrinazi: Wojskowość europejska XVI–XVIII wieku ...* URL: <https://kadrinazi.blogspot.com/2015/12/400-dragonow-dobrych-walonow.html?fbclid=IwAR1H-C0xXNcQ2YPnhaKNZob9WoVxeu12N3u5la97x6mykMauJybhjfkY4hE#comment-form> (дата обращения: 23.01.2022).

⁶¹ *Wallhausen J. J. von.* *Kriegskunst zu Pferd.*

⁶² *Kurrelmeyer W.* The etymology of dragoon. Р. 429–434. — Каррелмейер не знал о смерти Валльгаузена в 1627 г. и предположил, что второе издание подверглось авторской правке.

драгун Юдицкого (300 чел.), Бутлера (400), Винтерота (400) и Лесси (200). Следующие сведения о драгунах в польской армии Гурский отнес уже ко времени Смоленской войны (1632–1634)⁶³. В этом случае первое столкновение русских войск с вражескими драгунами не могло бы произойти ранее Смоленской войны, поскольку со Швецией у Московского государства со Столбовского мира и до 1656 г. сохранялись в целом добрососедские отношения.

Анджей Адам Маевский отметил, что в войске королевича Владислава при походе на Москву в 1618 г. присутствовала драгунская хоругвь Кароля Сея в 200 драгун⁶⁴. Как установил Ян Виммер, это было первое подразделение драгун в польской армии⁶⁵. Драгуны Сея вошли в состав главной штурмовой группы во время решающего приступа к Арбатским воротам Москвы в ночь с 30 сентября на 1 (10/11) октября 1618 г.⁶⁶ Уже после штурма на русскую сторону перебежал драгунский поручик из подразделения Сея⁶⁷. 19 (29) октября 1618 г. стольник и воевода кн. Василий Куракин с товарищами прислали в Разряд двух «выходцов ис королевичевых табор немец». Первый (с его слов) был записан как поручик Юзееск Карвель: «сказалса агличенин, был порутчиком у драгундров, которые немцы конные, а на бою те немцы бываюот пешие (выделено мной. — А. М.); а был он под знаменем у капитона у Карла Сея»⁶⁸. За выход государь пожаловал драгунского поручика 10 руб., тафтой и сукном. Через несколько дней, 23 октября, поручик Юзетчка Карвель получил на Казенном дворе по памяти из Разряда на имя

---

⁶³ *Górski K.* *Historia piechoty polskiej.* Kraków, 1893. S. 60.

⁶⁴ *Majewski A. A.*: 1) Москва, 1617–1618. Warszawa, 2006. S. 69–70, 202–205; 2) *Idem.* Warszawa, 2016. S. 73, 227; 3) *Liczebność polowej armii polsko-litewsko-kozackiej podczas wyprawy moskiewskiej królewicza Władysława w latach 1617–1618 // Studia i materiały do historii wojskowości.* Warszawa, 2008. T. 45. S. 9.

⁶⁵ *Wimmer J.* *Wojsko i skarb Rzeczypospolitej u schyłku XVI i w pierwszej połowie XVII wieku // Studia i materiały do historii wojskowości.* Warszawa, 1968. T. 14, cz. 1. S. 32. Przep. 122.

⁶⁶ *Majewski A. A.*: 1) Москва, 1617–1618. Warszawa, 2006. S. 154; 2) *Idem.* Warszawa, 2016. S. 170; 3) *Liczebność polowej armii polsko-litewsko-kozackiej ...* S. 11.

⁶⁷ *Скобелкин О. В.* Переходы западноевропейцев из войск Владислава на русскую сторону в 1618 году // Исторические записки : научные труды Исторического факультета. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 17–26.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). № 7. Л. 89.

Езееска Карвеля в числе других «выходцев» от того же числа⁶⁹ в счет объявленного ему жалования червчатые дараги (2 руб. 20 алтын) и четыре аршина без чети лазоревого сукна настрафиля (2 руб.)⁷⁰. 24 октября Разряд отослал в Большой приход память о выдаче Юзееску Карвелю в числе других «выходцев» причитающихся ему «выходных» 10 руб., записав его чин: «*порутчику другандрову*»⁷¹. 25 октября «агличенина» поручика Юзееска Карвеля Разряд вместе с другими выходцами отослал по месту ведомства в Панский приказ с памятью о пожаловании и выданном по 23 октября корме (по 8 денег на день)⁷².

29 сентября 1620 г. на Казенном дворе получил жалованье поручик «Ежеск Лаврет», в котором с большой долей вероятности я склонен видеть названного выше Юзечка Карвеля. Получил он его вместе с 93 «бельскими немцами» и их женами за то, что они «возлюбили святую православную веру» и били челом государю и патриарху о крещении⁷³. В окладной книге Иноземского приказа 1628/29 г. в разделе иноземцев, которым «на лошади конского корму им не дают и в роту ни х кому не написаны», записан поручик Евеск Складвин, в котором, видимо, также можно опознать нашего драгунского поручика⁷⁴.

Экзотичность формы передачи имени «драгунского строя» отразила не только (и, на мой взгляд, не столько) диковинное для русского уха название нового воинского «строя», сколько первичность процесса распространения драгун в европейских армиях, когда имя их, еще не будучи привычным, сильно варьировалось и от языка к языку и от человека к человеку. Записанные русским писцом со слов иноземного перебежчика еще непривычные для русских людей названия неизвестных в России войск — *драгундры* и *другандры* — перекликаются с вариативностью первых упоминаний драгун в европейских языках в конце XVI — начале XVII в.

Каррелмейер обратил внимание, что Вальдгаузен называет драгуна (*dragoon*) в первом издании своей книги 1616 г. «драгён»

⁶⁹ Там же. Л. 93.

⁷⁰ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 204. Л. 89.

⁷¹ Там же. Ф. 210. Оп. 13. № 7. Л. 94.

⁷² Там же. Л. 95–96.

⁷³ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 206. Л. 40, 41 об.–42.

⁷⁴ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 68. Л. 283 об.

(*Dragoen*), в то время как во втором издании 1634 г. название уже отредактировано: «драгуна» (*Dragoner*) и (в одном случае — на титульном листе) «трагуна» (*Tragoner*)⁷⁵. Лишь начиная с 1639 г., то есть через несколько лет после выхода в свет второго издания книги Вальльгаузена, Каррелмейер фиксирует слово «драгун» в английском языке — в формах *dragoon*, *dragoneer* и *dragonier*⁷⁶. Самый ранний случай употребления слова «драгун» во французском языке, отмеченный Каррелмейером, совпадает с французским переводом книги Вальльгаузена⁷⁷, где немецкая форма *dragoen* («драгён») превратилась во французскую *dragoon* («дражюн»)⁷⁸.

Русские «другандры» имеют точную адресацию к голландскому языку, в котором, согласно «Этимологическому словарю голландского языка» Йохана Франка (1912), нидерландская форма *dragonder* («драхундер») была образована прибавлением нидерландского суффикса к *dragon*, заимствованному непосредственно из французского языка или через посредничество немецкого⁷⁹. Следует отметить, что имевший за плечами голландскую военную школу немец Вальльгаузен не использовал голландскую форму наименования драгун. Из этого Каррелмейер сделал вывод, что в войсках Республики Соединенных провинций до 1616 г. еще не было войск с таким названием. Констатируя, что написание драгун в немецком языке изменилось между 1616 и 1634 гг., он отнес проникновение названия «драхундер» в голландский язык к 1634 г. Именно тогда П. Бор написал 4-й том своего сочинения «Происхождение, начало и продолжение голландских войн», изданного в Амстердаме в 1679–1684 гг., где уже уверенно употребляется термин «драгуны», в то время как его предшественники писали о «конных мушкетерах» и «мушкетерах на лошадях»⁸⁰.

Предположение Каррелмейера о том, что быстрое распространение в Европе и закрепление в европейских языках нового названия

---

⁷⁵ *Kurrelmeyer W.* The etymology of dragoon. P. 429–431.

⁷⁶ *Ibid.* P. 431.

⁷⁷ *Wallhausen J. J. von.* Art militaire à cheval. Instruction des principes et fondements de la cavallerie et de ses quatre espèces, ascavoir lances, corraisses, arquebus et drageons, avec tout ce qui est de leur charge et exercice ... Francfort, 1616.

⁷⁸ *Kurrelmeyer W.* The etymology of dragoon. P. 431.

⁷⁹ *Ibid.* P. 421.

⁸⁰ *Ibid.* P. 427.

посаженной на коней пехоты напрямую связано с изданием и переводами трактата Валльгаузена, представляется убедительным, хотя и требует поправок. Одну из них позволяет сделать описанный выше случай перехода к русским английского наемника, состоявшего на польской службе. Можно предположить, что Юзеф Карвель ранее служил в Нидерландах, где к тому времени уже появились первые драгунские части под своим именем, хотя и с еще неустойчивым наименованием, а русская транскрипция на сегодня является первым свидетельством возникновения собственно драгун в войсках Голландской республики (вероятно, в ходе войны за независимость, продолжавшейся до 1609 г.). Свод Георга Тессина зафиксировал первые драгунские полки в шведской армии в 1621 и 1627 гг., а в войсках графа Эрнста Мансфельда — в 1626 г. Это, возможно, были первые постоянные драгунские полки, но служившие в них явно не являлись первыми драгунами в европейских армиях⁸¹. Как упоминалось выше, на рубеже XVI и XVII столетий (в 1602/03 г.) драгуны (под своим именем) появились в имперской армии (у Тессина 1-й имперский драгунский полк датирован 1682 г.)⁸².

Как убедительно показал Каррелмейер, кодификация названия драгунских войск лишь завершила длительный процесс их оформления. Исследователь был вынужден констатировать, что надежных оснований для однозначного выбора существующих в литературе версий этимологии слова «драгун» ему найти не удалось. Взглянем на явление конной пехоты, описанное как у русскоязычных военно-исторических теоретиков, так и в переводных работах западных военных историков, в целом схожим образом с небольшими вариациями, поскольку источники у всех авторов не сильно разнятся.

Австрийский и британский теоретик кавалерии капитан Льюис Эдвард Нолан в 1853 г. называл драгун третьим видом кавалерии наряду с тяжелой и легкой, отметив, что в качестве основного вида конницы драгуны вытеснили рейтар после Тридцатилетней войны (1618–1648), когда шведы применяли их в качестве легкой кавалерии против австрийских кроатов. Имя драгун Нолан безосновательно приписал графу Петеру Эрнсту II фон Мансфельду (1580–1626). Вместе с тем кавалерийский теоретик сделал важное замечание:

⁸¹ *Tessin G. Die Regimenten ... S. 220, 642.*

⁸² *Paradowski M. 400 dragonów, dobrych Walonów.*

«та лошадь, которая не в состоянии носить на себе кирасира, была бы совершенно потеряна для службы, если бы не существовало драгун или легкой кавалерии». Примечательно, что редактор русского издания книги Нолана счел необходимым добавить развернутый комментарий относительно происхождения драгун, указав, что те произошли от посаженных на коней аркебузирова, использовавшихся французами в итальянских и религиозных войнах и впервые появившихся как род войск в армии Генриха IV. Там же упоминается о появлении первых драгун в России в годы Смоленской войны⁸³.

Относительно версий происхождения драгун российскому комментатору Нолана вторит Луи Сюзан в своей «Истории французской кавалерии» (1874). Он начинает историю драгун с французской пехоты, вооруженной пиками и аркебузами, и посаженной на коней маршалом Шарлем де Коссе, графом де Бриссаком при обороне Пьемонта от имперцев в 1550–1560 гг. По мнению автора маршал тем самым «открыл или учредил драгунскую службу»⁸⁴. Бриссак, который с 1540 г. командовал французской пехотой в Италии, в ходе Итальянской войны 1551–1559 гг. смог с маленьким контингентом солдат удержать под французским контролем весь Пьемонт, эффективно противодействуя проникновению на его территорию в 1551–1553 гг. австрийских Габсбургов. Не получая длительное время ни подкреплений, ни денег на выплату жалованья солдатам и отвечая со своими скромными силами за контроль над большой территорией, он посадил своих аркебузирова на коней, что оказалось спасительным ходом. Сюзан отмечает участие конных аркебузирова и на всем протяжении религиозных войн⁸⁵.

Подполковник конной гвардии генерал-губернатора Канады Джордж Тейлор Денисон в написанной в 1877 г. «Истории конницы» также видит прямых предшественников драгун в посаженных на коней лучниках Карла Смелого. При этом он отдал «авторские права» на драгун Петру Строцци, который в 1543 г., еще до

---

⁸³ Нолан Л. Э. История и тактика кавалерии / пер. Г. Д. Корибут-Кубитовича. СПб., 1861. С. 22, 53–55.

⁸⁴ Здесь и далее все переводы цитат с французского выполнены научным сотрудником Оружейной палаты Василием Рудольфовичем Новоселовым, за что ему, пользуясь случаем, с удовольствием выражаю признательность, как и за консультацию по французской историографии и мемуаристике XVI в.

⁸⁵ *Susane L. Histoire de la Cavalerie française*. Paris, 1874. Т. 1. Р. 73–74.

«драгоннад» Бриссака в Пьемонте, посадил на коней 500 аркебузир-ров, «чтобы сберечь их силы <...> вести пеший бой». Впрочем, Бриссаку Денисон также отдал должное⁸⁶.

Переводчик (на немецкий) и комментатор труда Денисона Генрих Отто Рихард Брикс в отношении драгун повторил тезис об их организации Бриссаком, но добавил интересное замечание, что вооруженные пиками и аркебузами солдаты садились на захваченных в большом количестве у местного населения лошадей, а при их недостатке — и по двое на одну лошадь (здесь явно имеются в виду небоеовые лошади). Следом за комментатором Брикс писал о первых драгунах в России с 1630-х годов⁸⁷.

Командир 1-го Московского драгунского полка полковник Михаил Илларионович Марков в «Истории конницы» (1887) начал историю драгун с приказа короля Франциска I о посадении на лошадей французских лучников в 1530 г. Однако он тут же признал, что более правильно рождение драгун относить ко времени посадки на коней огнестрельной пехоты, что, по его мнению, имело место уже при короле Генрихе IV (1589–1610) в период его правления в Наварре⁸⁸.

Анри Шопен, опираясь на свою книгу «Общая история драгун от их происхождения до империи»⁸⁹, обобщил итоги исследований в работе «Французская кавалерия». Он увидел происхождение драгун в личной роте герцога Строщи, с которой тот прибыл к Франциску I в лагерь Мароля в 1543 г. (у автора это событие ошибочно датировано 1530 г.). Рота представляла собой 200 ветеранов с аркебузами и пиками, передвигавшихся верхом. Именно от них Шопен ведет происхождение и конных пехотинцев Бриссака. Оговариваясь, что точная дата образования драгун не может быть установлена, он назвал их «видом войск наиболее древним не только во французской кавалерии, но во всей кавалерии Европы»⁹⁰.

⁸⁶ Денисон Дж. Т. История конницы. М., 2001. Кн. 1. С. 222–224.

⁸⁷ Там же. Кн. 2 : Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона. С. 74–75, 131–132.

⁸⁸ Марков М. И. История конницы. Тверь, 1887. Ч. 3. С. 52–53.

⁸⁹ Choppin H. Histoire générale des Dragons depuis leur origine jusqu'à l'Empire. Paris, 1879.

⁹⁰ Choppin H. La cavalerie française. Paris, 1893. P. 60–62.

Уже в XX в. Ганс Готлиб Леопольд Дельбрюк, попытавшись проверить своих предшественников, в целом повторил их оценки, датировав появление драгун серединой XVI в. При этом он добавил, что при зарождении драгун как рода войск им давали клепперов (подпорода лошадей, используемая как для сельскохозяйственных работ и в качестве тягловой силы колесных повозок и саней, так и под седло) — «малоценных, непригодных для атаки лошадей, которых можно было потерять без особого сожаления»⁹¹.

Кристоф Гуно в кратком очерке о драгунах, повторяя тезис о пьемонтской гвардии Бриссака, писал, что официально драгуны присутствовали во французской армии с 1638 г., признав, однако, использование наименования драгун уже во время осады Руана Генрихом Наваррским в 1591 г. Далее он упомянул сотню конных карабинеров, оставшихся в «Доме Короля» (*Maison du Roi*)⁹² после религиозных войн, и о создании Ришелье шести полков конных карабинеров в 1635 г. Гуно отметил, что предшественниками драгун были конные аркебузиры, карабинеры и аргулеты, которых с начала XVII в. начали называть драгунами. Важное значение представляют найденные Гуно сведения, относящиеся к 1680 г., что драгуны ездят на «плохих» лошадях, что для них следует отбирать «наименее сильных» лошадей, дабы они не забыли о пехотном бое⁹³.

Наконец, в недавнем исследовании кавалерии Генриха IV, выполненном Рональдом С. Лавом, вообще не упоминается о драгунах в его войсках, зато указано, что в мае 1589 г. и июне 1595 г. действовали французские конные аркебузиры, в обоих случаях сражавшиеся пешими⁹⁴. Они действовали в качестве огневой поддержки конницы для фланговых охватов и атак с тыла, компенсируя слабость своей пехоты перед испанскими терциями. Только атаки конницы во фланг и тыл при огневой поддержке спешившихся

---

⁹¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4. С. 94.

⁹² Новоселов В. Р. Французская армия в эпоху Людовика XIV до начала войны за испанское наследство // Сен-Симон Ж. де Мемуары, 1701–1707. М., 2007. С. 740.

⁹³ Goussier C. Petite étude historique sur dragons : «Un bon Dragon doit être un franc démon, sans foy ni loy» // Le 2me Régiment de Dragons : la cavalerie napoléonienne reconstituée. URL: <http://www.2dragons.be/etude-histor.php#nb3> (дата обращения: 10.01.2022).

⁹⁴ Love R. S. «All the King's horsemen» : the equestrian army of Henri IV, 1585–1598 // The Sixteenth century journal. 1991. Vol. 22, no. 3. P. 530, 532.

аркебузиром могли остановить натиск испанской пехоты. Также действовали протестантские войска Генриха Наваррского против армии короля Франции в битве у Кутра (20 октября 1587 г.)⁹⁵. Мобильность и маневренность гугенотской кавалерии, в первую очередь конных аркебузиром, как условия победы, отмечали современники и в сражении при Иври (14 марта 1590 г.)⁹⁶.

Подводя итог исследованию конной пехоты как явления, нельзя не согласиться с исследователями, полагавшими, что переброска пехоты на лошадях или телегах, предпринимавшаяся для повышения ее маневренности и мобильности, не была чем-то исключительным, но подобные ситуационные решения командиров долгое время не закреплялись в создании особого рода войск. С другой стороны, военные историки часто механически перечисляли встречающиеся в источниках названия видов конницы, которых во второй половине XVI в. оказалось чрезвычайно много (особенно во Франции), и некоторые из которых не перешли в следующее столетие.

Какие же процессы на рубеже XVI–XVII вв. привели к институционализации драгун как «многофункционального» рода войск? Во-первых, в Итальянских и религиозных войнах во Франции был накоплен опыт применения ездящей пехоты для поддержки то конницы, то пехоты, то военных операций диверсионного характера. Во-вторых, к концу XVI в. накопленный опыт наложился на широкое распространение карабинов с колесцовыми замками и развернувшимся процессом вытеснения у французской пехоты аркебуз мушкетами, из-за чего называть род войск по виду огнестрельного оружия стало неудобно, особенно если суть ездящей пехоты от этого не менялась. В-третьих, по мере развития государств и формирования линейной тактики четко обозначилась тенденция к увеличению численности армий вообще и конницы в частности. Но если численность пехоты нарастить было дешевле и быстрее, то конницы — дольше и дороже, что и привело к использованию посаженных на коней пехотинцев как «эрзац-кавалерии». Это стало повседневной практикой шведских драгун, призванных компенсировать количественные и качественные недостатки шведской конницы.

---

⁹⁵ *Oman Ch. A history of the art of war in the sixteenth century.* London ; Novato, 1989. P. 464–465, 470–480.

⁹⁶ *Ibid.* P. 495–505 ; *Keith R. Taktyka formacji pikiniersko-muszkieterskich w okresie 1590–1660.* [Oświęcim, 2016]. S. 28–29.

Именно они были скопированы Петром I в качестве уже новых российских драгун XVIII в. На протяжении же XVII в. драгуны в массе своей как в Европе, так и в России, все еще представляли собой ездящую пехоту. Россия в этом отношении оказалась даже более консервативной, чем большинство европейских стран, по причине наличия в составе российских войск большого числа легкой конницы иных видов.